

спать ночей и не сидеть (без дела) днем". Война и мир, битва и союз – все решается по воле кагана для благоденствия "тюркского зля". Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но ими не исчерпываются все его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. Так, каган а) поселяет и переселяет побежденные племена, т. е. заново определяет их территорию; б) расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в) собирает, расселяет и "устраивает" тюрков в "стране Отюкен", т. е. на коренной территории народа тюрков; г) передает на определенных условиях часть племенных земель в своей собственной стране каким-либо группам иммигрантов (например, согдийцам). Главным преступлением "народа" против кагана и "вечного зля" была откочевка на другие земли, т. е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил отделение – откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено "собрание" и "устройство" народа на подвластной кагану территории, т. е. создание политической организации, системы подчинения.

Каковы были социальная и политическая структуры Тюркского зля? Тюркский племенной союз (тюрк кара камаг бодун), состоявший из племен (бод) и родов (огуш), был политически организован в эль. Родоплеменная организация (бодун) и военно-административная организация (эль) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. По терминологии одного из рунических памятников, хан "держал эль и возглавлял бодун". Он осуществлял функции главы внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя эль, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и страны, вынуждавшего их к уплате дани и податей.

Хан опирался на племенную аристократию – бегов. Обращаясь с надписями-манifestами к своим "слушателям" ("слушайте хорошенько эту мою речь!" – требует Бильге-каган), тюркские каганы выделяют среди внимающих им два сословия – знать и народ. Стереотип обращения – тюрк беглер бодун "тюркские беги и народ". Наиболее резкое противопоставление знати и народа – в памятниках уйгурской эпохи: атлыг "именитые" и игиль кара бодун

"простой народ". Беги были аристократией по крови, по праву происхождения из того рода, особый статус которого в делах правления считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле род Ашина, в государстве уйгуров – род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнана, они составляли особое, наиболее привилегированное сословие. Из них формировалась высшая имперская аристократия, правившая элем – айгучи "советники", апа таркан "высшие командиры армии", девять "великих буюруков" (три "внешних" и шесть "внутренних"), составлявших верховную администрацию зля, другие военно-административные руководители государства [Кляшторный, 1986, с. 217–228; Klyashtornyj, 2004, p. 13–39].

Декларируемой обязанностью кагана и его окружения была забота о благосостоянии соплеменников. Во всех надписях каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родственников и свойственников способен "вскормить народ". В уцелевших фрагментах Бугутской надписи эта формула повторена трижды; про Мухан-кагана (553–572) сказано, что он "хорошо вскормил народ". Бильге-каган постоянно напоминает, что он "одел нагой народ", накормил "голодный народ", сделал богатым "бедный народ", благодаря ему "тюркский народ много приобрел", "ради тюркского народа" он и его младший брат Кюль-тегин "не сидели без дела днем и не спали ночью". Бильге Тоньюкук, айгучи трех каганов, напоминает о неустанных "приобретениях" ради тюркского народа осуществлявшихся Ильтериш-каганом и им самим, и сопровождает свои слова сентенцией: "Если бы у народа, имеющего кагана, тот оказался бы бездельником, то горе было бы у того народа!"

Несмотря на явное преобладание военных устремлений, в политических программах правителей Тюркского зля проглядываются и иные мотивы. Было и стремление к симбиотическим связям с иной цивилизацией и иными духовными ценностями, которыми она обладает. Уже четвертый тюркский каган, Таспар (572–581), свою главную заслугу видит в создании новой буддийской сангхи, т. е. в заимствовании и распространении буддизма в тюркской кочевой среде – вспомним санскритскую надпись на Бугутской стеле, начертанную, вероятно, индийским миссионером Чинагуптой. Десять лет Чинагупта и его ученики

прожили при дворе Таспара, склонив его к принятию новой веры; но еще более, чем проповедь индийского монаха, Таспара побуждала к смене веры потребность в духовной связанности мировой империи, созданной дедом и отцом. Только жестокая междуусобная война и последующий распад единого эля остановили начавшуюся конверсию [Klyashtornyj, Livshic, p. 69–102.] В двадцатые годы VIII в. после победоносной войны с Китаем, решившей проблему южных караванов, т. е. китайской платы за мир на северной границе, Бильге-каган (716–734) резко меняет политическую линию отца и дяди, Ильтериш-кагана (687–692) и Капаган-кагана (692–716). Он пишет в своей *apologia pro vita sua*, начертанной на посмертной стеле младшего брата: "Я связал свою жизнь и жизнь своего народа с народом табгач!". Внешним выражением смены курса Бильге избрал смену веры – он решил провозгласить государственной религией столь популярный тогда в Китае буддизм. Китаефильская политика встретила столь жестокое сопротивление элиты каганата, что Бильге вынужден был отказаться от своей идеи.

Минуло сорок лет, тюркскую династию уже сменила в ставке на Орхоне уйгурская династия, ее основатель Элетмиш Бильге-каган (747–759) избирает новое направление имперской экспансии – оазисные царства Восточного Туркестана [Кляшторный, 2006, с. 309–319]. И сын Элитмиша, Бёгю-каган (759–779) обращает свой народ в манихейство. Он не скрывает, что новый акт выбора веры свершен им в результате соглашения с городами-государствами Таримского бассейна, где влияние и власть были в руках согдийских манихейских конгрегаций.

Опыт заимствования и распространения чужой веры не был единственным путем создания общеимперской идеологии. Исследования последних лет именно в религиозно-мифологическом слое древнетюркской культуры выявили системные совпадения в столь отдаленных друг от друга регионах, как Северная Монголия, Кавказ и Дунайская Мадара.

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает верховного бога праболгар, которого "хан и полководец" Омуртаг почтил жертвоприношениями. Имя бога – Тангра. Оно сразу вводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, в мир орхонских тюрков. Но все же терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрков недостаточно для более определенных выводов о степени

их близости. Праболгарский пантеон из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарах времен Первого Болгарского царства остается невыявленным, и это обстоятельство заставляет обратиться к племенам праболгарского круга. Неожиданные и яркие сведения такого рода содержит источник, далекий от Дуная и Центральной Азии. В "Истории албан" Моисея Каланкатуйского (X в.) содержится текст "Жития епископа Исразля", главы албанской христианской миссии, которая посетила в 682 г. "страну гуннов" в предгорной долине Дагестана. Здесь еще в VI в. группа тюркоязычных гунно-болгарских племен создала жизнестойкое государственное объединение, которое в VII в. Ананий Ширакаци именовал "царством гуннов". Автор "Жития", албанский клирик, не поспешил на яркие характеристики "дьявольских заблуждений и скверных дел" идолопоклонников, погруженных, как он пишет, "в языческую грязную религию". Именно из этих разоблачений становятся известны ценнейшие реалии, дающие представление о пантеоне, обрядах и обычаях праболгарских племен. Высшее божество пантеона – Тенгри-хан. Среди других – божество Земли-Воды (орхонское Йер-Суб), женское божество плодородия, которое албанский клирик, не чуждый классической образованности, называет Афродитой (орхонская Умай) "некие боги путей" (древнетюркские Йол-тенгри). Как очевидно, гунно-болгарский пантеон VII в. детально совпадает с пантеоном рунических текстов Монголии и Восточного Туркестана. Учитывая несомненное тождество гунно-болгарского и древнетюркского пантеонов и время миграции праболгарских племен (племенной суперсоюз огузов), оставивших свою центральноазиатскую прародину не позднее V в., возможно полагать, что та сложная религиозно-мифологическая система, которую мы называем "древнетюркской", сформировалась еще до середины I тыс. н. э. Но в эпоху существования Тюркского каганата эта система пережила существенную трансформацию – возникает политизированный общеимперский культ каганской четы, "рожденной на Небе и поставленной Небом", культ кагана и его старшей жены, ставшими земной ипостасью четы небесной – Тенгри и Умай, покровительствующей династии. И наряду со "священной пещерой предков", с ее ежегодными ритуалами и жертвоприношениями, появляются храмы каганов-предшественников, главным из которых в VI в. был храм основателя империи – Бумына. Именно после моления в этом храме и "совета" с духом обожествленного кагана-

предка Таспар, как о том упоминает Бугутская надпись, принимал важнейшие государственные решения и объявлял их как волю кагана-основателя.

Таким образом, рассмотрение свидетельств рунических памятников и сообщений иных источников позволило обратиться к проблеме сложения социально-культурных и идеологических представлений, существовавших накануне появления древнетюркской государственности внутри и за пределами центральноазиатской ойкумены. С рождением Тюркского эля унаследованная традиционная культура приобрела новые формы, в рамках которых появились качественно иные формы бытия и новые коммуникативные средства – седентеризация и урбанизация части населения, строительство городов в местах степных княжеских ставок, религиозные искания и, вершина достигнутого, – письменность, прошедшая путь от камнеписных стел до рукописей на бумаге, письменность, породившая в VIII–XIII вв. богатую и разнообразную литературную традицию. Все это позволяет охарактеризовать древнетюркскую цивилизацию Центральной Азии как систему, включавшую в себе наряду с архаичными и консервативными прогрессирующие и подвижные структуры, определившие сравнительно высокий, хотя и кратковременный динамизм ее развития. Эта цивилизация была неотделима или, во всяком случае, генетически связана с Тюркским элем – первой евразийской империей, созданной кочевыми племенами Центральной Азии.

Литература

Кляшторный С.Г. *Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.*

Кляшторный С.Г. *Степные империи древних кочевников Центральной Азии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской Академии наук. Под ред. А.Н.Деревянко, В.И.Молодина. В.А.Тишкова. Кн.1. М., 2006.*

Кляшторный С.Г. *Памятники древнетюркской рунической письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.*

Кычанов Е.И. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.*

Barfield T.J. *The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Cambridge, Mass., 1992.*

Fletcher J. *The Mongols: ecological and social perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. T.46. 1986, №1.*

Klyashtornyj S.G., Livshic V.A. *The Sogdian inscription of Bugut revised // Acta Orientalia Hungarica. T.XXVI, 1972. Fasc.1.*

Klyashtornyj S.G. *Customary Law the ancient Turkic states of Central Asia: the legal documents and practical regulations // Central Asian Law an Historical Overview. Topeka, University of Kansas, 2004.*

С.Г. Кляшторный

Імперський фон давньотюркської цивілізації

Резюме

Тюркська імперія та її держави-спадкоємці у степовій зоні Євразії (VI–X ст.) надали певного типу цивілізації, що глибоко трансформувала не лише традиційні соціальні та політичні інститути номадів, а й їхню місцеву культурну традицію, структуру релігійних уявлень (політизований тенгриїзм) та систему засобів комунікацій.

С.Г. Кляшторный

Имперский фон древнетюркской цивилизации

Резюме

Тюркская империя и ее государства-наследники в степной зоне Евразии (VI–X вв.) придали определенный тип цивилизации, которая глибоко трансформировала не только традиционные социальные и политические институты номадов, но также и их местную культурную традицию, структуру религиозных представлений (политизированный тенгриизм) и систему средств коммуникаций.

S.G. Klyashtornyj

The imperial background of ancient Turkic civilization

Summary

The Turkic empire and its heir-states in the steppe zone of Eurasia (VI-X cc.) shaped a certain type of civilization which deeply transformed not only traditional social and political institutes of nomads but also their local cultural tradition, structure of religious concepts (politicized tengrism) and system of communicative tools.

В.В. Колода, Ю.Г. Чендев

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИНТЕГРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПОЧВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДИЩА КОРОБОВЫ ХУТОРА)

В современной науке для получения качественно новых данных всё чаще используются междисциплинарные исследования. Это утверждение верно и относительно археологических памятников, когда, наряду с археологами, в раскопках принимают участие специалисты естественнонаучного профиля (Александровский, Александровская 2005; Геннадиев 1990; Чендев, Колода 2004; Пархоменко 2007 и др.). Такое сотрудничество часто приводит к интересным результатам и открытиям, которые в отсутствие указанной интеграции вряд ли бы были возможны. Благоприятное взаимовлияние методологических и методических подходов к исследованию памятников археологии специалистами разных научных направлений позволяет по-новому взглянуть на условия развития населения далёкого прошлого. При этом возрастает не только сумма наших представлений о прошлом, но и глубина понимания взаимоотношения материальных культур древних обществ и окружающей их природы: почвы, растительности, климатических условий.

Одним из памятников, в изучении которого принимают участие представители естественных наук и используются междисциплинарные методы, является городище Коробовы Хутора, расположенное в Змиевском районе Харьковской области. Городище расположено на возвышенности правого коренного берега р. Северский Донец, между сёлами Гайдары и Коробовы Хутора (Рис. 1).

Археологический комплекс Коробовы Хутора известен ученым более 100 лет. Он состоит из городища (площадью около 1,5 га) и значительного по размерам селища (площадью около 30 га), занимающего склоны разветвленной балки и лежащую к